

УДК 811.161.1
DOI 10.52452/19931778_2022_4_168

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ДЕТСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ TELEGRAM-КАНАЛОВ)

© 2022 г.

М.М. Бинштейн, Н.А. Самыличева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

b.rita@list.ru

Поступила в редакцию 10.06.2022

Данная статья посвящена анализу особенностей вербализации концептосферы «детство» в политическом дискурсе. Материалом для исследования послужила медийная речь Telegram-каналов. В работе используются такие методы исследования, как дискурсивный анализ, приемы интерпретации и контекстуального анализа, применяется коммуникативно-прагматический подход. Результаты показали, что в современной коммуникации происходит политизация образа детства, который обладает определенными характеристиками, регулярно становящимися эффективным средством речевого воздействия и манипулирования.

Ключевые слова: речевое воздействие, речевые стратегии, концептосфера «детство», Telegram-канал, политический дискурс.

Репрезентация и вербализация концептосферы «детство» в совокупности представляют собой культурологическую категорию, проникающую во все сферы человеческой жизни. Однако стоит заметить, что в условиях современной коммуникации подобные репрезентанты в силу своей бесспорной значимости для массовой аудитории оказываются эффективным средством речевого воздействия и словесных манипуляций. «Высокая эмоциональная нагруженность символа детства, близость к опыту каждого определяет мобилизационный потенциал символа, который используют в современной России как политические партии и политические лидеры, так и СМИ» [1, с. 313]. В политическом дискурсе образы детей и детства используются для привлечения внимания к обсуждаемой теме и придания эмоциональности выступлению, они делают речь наглядной, за счет своей универсальности адаптируют специфическую информацию к пониманию в самых разных аудиториях. Также через символику детства, путем создания ассоциаций с положительной или отрицательной коннотацией оратор может выразить свое отношение к миру, направить мысли слушателей в нужном для него направлении.

В данной статье рассматриваются особенности вербализации и текстовой репрезентации концептосферы «детство» в политическом дискурсе, а также специфика их использования в качестве средств речевого воздействия. Для материала исследования были отобраны посты, опубликованные на Telegram-каналах ведущих политического ток-шоу «60 минут»: Евгения

Попова («рорovrtr») и Ольги Скабеевой («Скабаева»). Многие исследователи отмечают тот факт, что «отличительной чертой современной политической коммуникации между различными субъектами является – технологичность и использование интернет-инструментов для осуществления оперативного взаимодействия и координации» [2, с. 6]. В сложившихся условиях популярным средством коммуникации в интернет-пространстве становится Telegram как «источник наиболее острой и актуальной информации, а также профессиональной аналитики» [3, с. 63]. Следствием того, что Telegram-канал как особый вид блогов становится дополнительным, а иногда и основным источником получения информации, является появление Telegram-каналов у профессиональных политологов и политических обозревателей. С помощью данной платформы через сотни сообщений эксперты могут распространять необходимые сведения, доносить свою позицию до аудитории, формировать общественное мнение.

Под политическим Telegram-каналом следует понимать канал, «с определенной регулярностью комментирующий актуальную политическую повестку, общественно-политические события, действия политических субъектов и т.д.» [3, с. 64]. В данном исследовании Telegram-канал рассматривается как особая платформа, объединившая через авторов специфику как Telegram-канала, так и телевизионного жанра ток-шоу. Данные ресурсы дополняют друг друга, что обусловлено «размыванием» жанровых границ в медиа и процессом демократизации языка. Ведущие ток-шоу дают комментарии,

публикуют посты у себя на каналах, при этом выкладывая отрывки из предстоящих телепередач, тем самым рекламируя их, или же дублируют информацию на обоих ресурсах. Воздействие на адресата-зрителя и адресата-читателя (нередко это одно лицо) в подобных условиях достигается за счет избыточного повторения одних и тех же идей, а также высокой эмоциональности и употребления экспрессивно-оценочной лексики, которые позволяют политологам открыто высказывать собственную точку зрения на происходящие события. Подобный формат донесения информации до аудитории отличает «исповедальный» характер, когда стираются границы между частным и общественным, а информационный пост становится средством самовыражения, поскольку содержит элементы жизненного опыта автора и фокусируется на личных эмоциональных переживаниях [4, с. 114–115].

Цели политического Telegram-канала, так же как и политического ток-шоу, направлены на выражение мнения, поэтому в них наблюдается высокая степень использования оценочных суждений, как следствие, метафоричность и образность речи. Более того, коммуникативные намерения авторов нередко проявляются в стремлении дискредитировать оппонента, умалять его деловую репутацию, высказать предположение о предстоящей угрозе со стороны «врага» и т.д. Стоит, однако, заметить, что главное отличие политического Telegram-канала от ток-шоу заключается в письменной форме преподнесения информации, которая позволяет автору дольше обдумывать свою речь, строить её постепенно, исправляя и дополняя; устный текст, наоборот, отличается неподготовленностью и непосредственностью изложения, а также необратимостью во времени. Характерной чертой публикаций является и использование графических средств выразительности: написания слов прописными буквами или включение в текст смайлов-иллюстраций, позволяющих выделить наиболее важные в коммуникативном отношении элементы высказывания.

Таким образом, политическая коммуникация посредством Telegram-каналов, как и с помощью формата ток-шоу, помимо информационной функции, выполняет функцию манипулятивного воздействия, направленную на формирование общественного мнения. В таких условиях с целью привлечения внимания зрительской или читательской аудитории речь становится особенно зрелищной: используются различные средства выражения оценки и мнения.

Образы детства активно используются в политическом дискурсе как средство стратегии

манипуляции, предполагающей скрытое воздействие на аудиторию, побуждение ее к совершению определенных действий и принятию значимых для говорящего решений. Сближение разных, на первый взгляд, сфер следует считать удачным, поскольку образ ребенка апеллирует к личному опыту и чувствам адресата, воспринимается с повышенной эмоциональностью. Иными словами, образ детства оказывается чрезвычайно продуктивным в плане его лексической объективации и метафорического переосмысления, он представлен целым спектром смысловых оттенков.

В позитивных контекстах одной из коннотаций детства является изображение беззащитного ребенка, нуждающегося в заботе и опеке, поэтому, наделяя человека детскими качествами, мы представляем его беззащитным, слабым, вызывающим сочувствие: *Олимпийская чемпионка Загитова на чемпионате мира в Милане заняла аж пятое место, три раза упала в произвольной программе, бедный ребенок* [24.03.2018, 12:09, Telegram-канал «Скабеева»]. В высказываниях, в которых лексема «дети» приобретает коннотации ‘несправедливо обиженные’, ‘заслуживающие заботы’, ‘вызывающие сочувствие’, успешно реализуются тактики отвода критики и самооправдания, заключающиеся в отрицании причастности к каким-либо негативным действиям [5]: *У нас девочки в фигурном катании выступают совсем молодые, еще дети почти. Какое они к допингу имеют отношение?! Да никакого! Прыгают четыре оборота, что почти никто не делает. Вот их можно зачистить и со льда убрать?! Можно, но зачем?!* [19.12.2019, 13:14, Telegram-канал «Скабеева»]. В приведенном фрагменте в форме скрытого вывода выражена мысль о том, что дети естественны и непорочны, поэтому человек, который был назван ребенком, не может совершить преступление.

Еще один контекст, в котором репрезентанты детства используются в политическом дискурсе при реализации стратегий, направленных на создание положительного образа объекта описания, связан с защитой детей. В данном случае актуализируется мысль о том, что дети – это будущее человечества, символ надежды, возрождения и продолжения жизни: *Ребята там сражаются, жизни кладут за будущее наших детей* [05.03.2022, 16:33, Telegram-канал «Скабеева»]. Приведенное высказывание можно рассматривать как пример реализации тактики презентации, целью которой является описание положительных качеств какого-либо лица.

Важно отметить, что одной из особенностей, отличающих Telegram-канал от жанра ток-шоу,

оказывается активное использование тактики самопрезентации, предполагающей «эмоциональную “самоотдачу” оратора, косвенную демонстрацию психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [6, с. 78]. Это обусловлено рекламной функцией, которую выполняет Telegram. Так, нередко случаи, когда пост является отрывком из предстоящего выпуска ток-шоу, а в текстовой части публикации читателям открыто предлагается посмотреть данный эпизод телепередачи целиком. Следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что платформа Telegram становится эффективным способом общения с аудиторией в предвыборном дискурсе: например, баллотируясь в депутаты Госдумы ФС РФ, Евгений Попов широко использовал образ детства в качестве средства конструирования собственного имиджа. В основе его публикаций лежит представление о детях как о будущем человечества, а продолжением этой идеи становится указание на необходимость быть помощником и защитником детства: *Толковое растёт поколение. Глядя в глаза ребят, ещё раз убедился, как важно обеспечить им безопасные детство и юность: нам необходим соответствующий государственный стандарт для любых социальных объектов, не только школ. Единый и обязательный к исполнению в любом уголке России* [13.05.2021, 12:32, Telegram-канал «ropovrtr»]; *Заехал в Кунцево на Бобруйскую улицу. Мы с жителями реновационных домов добились обновления детской площадки. Несмотря на то, что людей расселят только в 2032–2035 годах, детям нужно комфортное место для игр здесь и сейчас* [03.10.2021, 12:11, Telegram-канал «ropovrtr»]; *Важно, чтобы все дети и подростки в нашей стране имели равный доступ к занятиям спортом. Считаю, нужно обеспечить минимум три общедоступные секции в шаговой доступности от дома* [12.09.2021, 18:19, Telegram-канал «ropovrtr»]; *Безопасность детей на первом месте, согласен, светофор нужен* [01.09.2021, 22:13, Telegram-канал «ropovrtr»]; *Согласен, маршруты следования детей и родителей в школы и детские сады нужно делать более безопасными. Прслежу, чтобы всё предложенное было сделано* [28.09.2021, 22:13, Telegram-канал «ropovrtr»].

В приведенных фрагментах, с одной стороны, в форме прямого утверждения повторяется мысль о необходимости обеспечить детям наиболее комфортные и безопасные условия, поскольку ценность детей «для будущего общества и беззащитность ребенка определяют особый символический статус <...> и особые обяза-

тельства по отношению к ним» со стороны взрослых [7, с. 8], с другой стороны, утверждается идея о том, что таким человеком, заботящимся о детях, является автор постов. Тактика самопрезентации реализуется в высказываниях Евгения Попова через личностный характер описаний. На это указывает использование местоимения в форме 1-го лица множественного числа *нам*, объединяющее в своей семантике адресата и адресанта и за счет этого создающее иллюзию коллективного выступления, выхода за рамки субъективного мнения, поскольку каждый человек мог бы подумать, решить или сказать то же самое: *нам необходим соответствующий государственный стандарт для любых социальных объектов*. Еще одним языковым средством создания положительного образа является использование глаголов в форме 1-го лица (*убедился, считаю, прслежу*), позволяющих выразить мысль через субъективное восприятие автора, выразить информацию в форме мнения. Подобный прием «значительно повышает действенность речи, решает проблему “очеловечивания” темы, затронутой публицистом» [8]. Неоднократно в публикациях автора с помощью модальных конструкций с семантикой необходимости и долженствования подчеркивается важность выполняемой им работы: *как важно обеспечить им безопасные детство и юность: нам необходим соответствующий государственный стандарт; детям нужно комфортное место для игр здесь и сейчас; важно, чтобы все дети и подростки в нашей стране имели равный доступ к занятиям спортом; нужно обеспечить минимум три общедоступные секции; светофор нужен; маршруты <...> нужно делать более безопасными*. Таким образом, исследуемые репрезентанты позволяют сформировать как положительный образ защитника детей, так и символическое поле «своих» людей (избирателей).

Тактика самопрезентации может быть реализована с помощью создания положительного образа семьи: *Отвели с Ольгой Захара в первый класс! Успехов тебе, сын! С новым важным этапом! С Днём знаний, друзья! Всем детям и родителям – терпения и добра!* [01.09.2021, 16:22, Telegram-канал «Скабеева»]. Образ ребенка позволяет показать автора поста в роли любящего и заботливого отца, сама тема публикации, а также использование восклицательных предложений позволяют ориентировать текст на чувственно-эмоциональное восприятие читателями. Контакт с адресатом устанавливается с помощью обращения через лексему *друзья* и через поздравление аудитории с праздником.

Концептосфера «детство» обладает многослойной структурой, которая представлена в виде бинарной оппозиции «добро – зло», «положительное – отрицательное»: «Категории добра и зла являются основными этическими категориями, обозначающими положительные и отрицательные ценности. <...> добро – это то, что приближает к идеалу, зло – отдаляет от него» [9, с. 207]. Несмотря на то, что репрезентанты концептосферы «детство» могут выступать в качестве средств создания положительного образа в стратегиях самопрезентации, тактиках отвода критики и презентации и т.д., зачастую обращение к теме детства в политическом дискурсе используется и с целью формирования отрицательной коннотации. Например, обратной стратегией по отношению к самопрезентации становится стратегия на понижение, задачей которой является ослабить позиции политического противника или выразить негативное отношение как к предмету дискуссии, так и к адресату. Иллюстрацией вышесказанного может послужить пост Ольги Скабеевой, в котором содержится критика действий оппозиции через указание на использование ими детей в корыстных целях: *Американские военные в аэропорту Кабула раздают афганским детям Киндер-сюрпризы. Пропагандистская машина пытается спасти светлый лик США!* [24.08.2021, 15:13, Telegram-канал «Скабеева»]; *‘Можно я возьму её на руки? ‘Байден пиарится на украинских беженцах: взял на руки ребенка, сделал селфи и даже поцеловал* [26.03.2022, 18:40, Telegram-канал «Скабеева»]. В приведенных контекстах происходит «эффект зеркала», когда положительные, на первый взгляд, действия и высказывания представителей оппозиции «отражаются» и воспринимается аудиторией в негативном ключе.

В политической коммуникации наиболее ярко представлены «половозрастные коннотации образа детства через его инаковость по отношению к норме – состоянию взрослого человека, прежде всего взрослого мужчины», чем определяются негативные контексты его употребления [7, с. 4]. В качестве иллюстрации можно привести следующие высказывания, в которых лексема *дети* используется как умалюющее сравнение, поскольку в ней актуализируются значения ‘несамостоятельный’, ‘несерьезный’, ‘непрофессиональный’, ‘слабый’: *Кара-Мурза и Кашин – сопливые дети, конечно. Вот она главная поделка суток, где Путин отравил не только извращенца Верзилова, но и Ющенко. Даже бандеровцы до такой дичи не додумались. Кто это писал? Ау, СБУ!* [22.02.2020, 2:29, Telegram-канал «ropovrtr»]; *Господи, какой*

чертов бред. Как дети, ей богу [06.03.2018, 23:08, Telegram-канал «ropovrtr»]; <...> *Смешные, как дети малые. А еще и злые. Фильм снят и смонтирован безупречно* [20.06.2017, 21:58, Telegram-канал «ropovrtr»].

В политическом дискурсе особенно ярко репрезентация детства наблюдается в стратегии иронизирования, что обусловлено манипулятивным характером самой иронии. Феномен иронии связан с употреблением средств экспрессивности текста, использующихся в качестве механизмов воздействия на адресата. Иными словами, через умалюющие сравнения ирония позволяет автору навязать скрытый вывод. Уподобление коммуникативного противника ребенку предполагает приписывание ему слабостей, свойственных детям: несамостоятельности, несерьезности, глупости, боязливости и т.д. В приведенных далее примерах содержится описание поведения, противоречащего социальному статусу представителей политической власти, а также контрастное ироническое столкновение взрослого человека с атрибутикой «детского мира», в котором лексема *детский* становится признаком неуважения: *Говорят, лохматый человек на полу, который рисует на бумаге детские домики, премьер-министр могучего островного государства. Обещает нам новые санкции* [26.06.2020, 22:38, Telegram-канал «Скабеева»]; *Трампа унижают даже представители его собственного протокола. Во время пресс-конференции его посадили за столик детских размеров* [27.11.2020, 11:16, Telegram-канал «Скабеева»]; *Байден, как ему и советовали эксперты, был с Путиными максимально жестким и рассказал Путину и о своём детстве, и о том, что маленькому Джо говорила его мама* [16.06.2021, 19:35, Telegram-канал «Скабеева»].

Интересен пример, в котором иронический эффект достигается через имитацию диалога с ребенком: *Твиттер опять балуется. Говорит, не буду публиковать доклад об ущемлении российских СМИ. Это, якобы, ВРЕДНЫЙ контент. Сам ты вредный, твиттер.* [01.01.2022, 17:30, Telegram-канал «ropovrtr»]. В приведенном фрагменте вариацией смысла, сопряженной с символикой детства, оказывается необходимость уважать взрослых и подчиняться им, а отступление от данной нормы трактуется как капризность. Примечательно, что в тексте образ детства вербализирован не лексическими средствами, а с помощью ассоциаций: глагол *балуется* имеет значение ‘шалить, озорничать; резвиться’ [10] и призван провести аналогию между действиями объекта описания и поведением непослушного ребенка.

В случаях, когда объекту приписываются действия, осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону, репрезентация концептосферы «детство» позволяет усилить степень вины, т.е. прагматический эффект текста, и апеллировать к чувствам адресата (манипулятивная стратегия на понижение). Таким образом создается модель, описывающая негативное влияние представителей взрослого мира на мир ребенка: *В Ираке умерло полмиллиона детей. Это больше, чем число жертв среди детей в Хиросиме. Стоит ли такой цены поставленная цель?* [23.03.2022, 22:03, Telegram-канал «Скабеева»]; *Только представьте, дети, которые родились под обстрелами, уже пошли в школу. Под обстрелами* [25.02.2022, 12:11, Telegram-канал «porovtr»]; *Анатолий Шарий (<https://t.me/ASupersharij>) опубликовал аудио урока истории в одной из школ Запорожской области. Только послушайте какой мусор эти «учителя» скармливают детям* [03.12.2021, 21:31, Telegram-канал «Скабеева»]; *На ракете, которой американцы нанесли удар по автомобилю и жилому дому в Кабуле, были написаны имена погибших после теракта солдат. После этого ракетного удара погибло как минимум семеро афганских детей. Американское возмездие. Бессмысленное и беспощадное* [31.08.2021, 14:12, Telegram-канал «Скабеева»]; *Первое чувство, значит, когда говорят о количестве погибших и погибших детей – хочется не плакать, а реветь хочется, а когда слушаешь, что здесь сказано – уже другие чувства возникают, вот честно скажу* [27.03.2018, 10:22, Telegram-канал «Скабеева»]; *Аттракционы-убийцы. Как заработать миллион за сезон? И кто ответит за детские смерти?* [11.06.2021, 18:00, Telegram-канал «Скабеева»]. В приведенных примерах авторы апеллируют к чувствам аудитории через средства эмоционального синтаксиса (риторические вопросы, парцелляцию, антитезу «беззащитное детство» и «жесткий взрослый мир»), эмоционально окрашенную лексику (например, *бессмысленное и беспощадное, хочется не плакать, а реветь хочется, мусор скармливают детям*), образ травмированного ребенка усиливает степень вины, позволяет перенести отрицательную оценку на образ человека или государства, допустившего эти события. Сниженная оценка объекта критики может достигаться через описание его негативно оцениваемого отношения к детям: *Меня, кстати, совсем не раздражают маленькие дети в самолётах. Меня больше раздражают те, кого раздражают дети* [28.02.2019, 10:26, Telegram-канал «porovtr»].

Подобные примеры репрезентируют один из классических образов исследуемой концептосферы – «дети-жертвы» – «это дети, которые являются объектами преследования тех, перед чьей властью они уязвимы и беспомощны. <...> Дети могут быть жертвами обстоятельств, несправедливости, войны, деятельности взрослых, правоохранительных органов» [1, с. 315].

Рассмотрим пример, в котором репрезентанты концептосферы «детство» становятся основным приемом в реализации стратегии дискредитации: *Какие же жалкие и трусливые эти малыши Дождя. Сами обделались, не справились, испугались и попросили защиты у взрослых! Так вот, товарищ собственник детского сада! Ваши детки вас водят за нос. Это не «ошибки в прямом эфире». Ваши ясли ДВА раза В ЗАПИСИ показывали этот адский фейк, сопровождая гнусную ложь зубодробительными подводками. Ваши малыши намеренно провоцируют и обостряют, а не информируют аудиторию. И именно на это вашим яслям неоднократно указали. Хотя бы вы, как взрослый человек, могли бы повести себя в данной постыдной ситуации достойно. Отдельный привет борзому малышу Мите. Митеньке мамочка, как видно, давно не делала атата* [15.08.2020, 13:31, Telegram-канал «porovtr»]. В приведенном фрагменте автор обращается к теме детства при описании событий, напрямую не связанных с детьми и детством, – это говорит о манипулятивном характере репрезентаций в исследуемом контексте. С целью сформировать у аудитории негативное отношение к объекту дискредитации используется избыточное нагнетание средств языковой экспрессии (амплификация): эмоционально-оценочной лексики с отрицательным коннотативным компонентом (*жалкие и трусливые*) и метафоризации речи. Для сниженного описания группы лиц используются в переносных значениях словосочетания и отдельные лексемы, связанные с образом детства и реализующие в контексте значения ‘слабый’, ‘капризный’, ‘несамостоятельный’ и т.д.: *малыши Дождя, детский сад, ясли, детки, борзой малыш*. Действия сотрудников телеканала «Дождь» трактуются как не соответствующие поведению взрослого человека: *обделались, не справились, испугались и попросили защиты у взрослых*. Повторяясь в тексте и варьируясь в своих повторах, развернутая метафора, уподобляющая взрослого человека неразумному ребенку, не только обеспечивает целостность текста, но и позволяет автору выразить негативное отношение к группе лиц, подорвать у читателя доверие к ним через введение негативной оценки их действий и качеств. Противопоставление

взрослого «достойного» поведения (как взрослый человек, могли бы повести себя <...> достойно) детскому, а также использование условной модальности (могли бы) позволяют читателям сделать вывод о недостойном поведении объекта критики. Завершается пост саркастическим высказыванием, адресованным к конкретному лицу: *Митеньке мамочка, как видно, давно не делала атата*. В анализируемом предложении используются языковые средства, направленные на создание гротескного сниженного образа сотрудника телеканала «Дождь» и косвенно отождествляющие взрослого человека с ребенком: уменьшительно-ласкательная форма имени *Митенька*, которую взрослые обычно употребляют при общении с детьми, деминутив *мамочка*, прочно связанный с образом ребенка и репрезентирующий значение 'несамостоятельный', устойчивое разговорное выражение *делать атата*, являющееся шуточной формой угрозы наказания маленькому ребенку.

Примечательно, что средством вербализации концептосферы «детство» выступают не только самостоятельные лексемы, но и прецедентные феномены, мотивированные детским чтением: *Также в послании не обошлось и без отсылок к «Маугли» Редьярда Киплинга <...> Пойду, перечитаю «Книгу джунглей» — может, ещё цитаты <...> найду* [24.04.2021, 14:26, Telegram-канал «Скабеева»]. В приведенном фрагменте вербализаторы концептосферы «детство» применяются в реализации тактики иронизирования: утверждается, что политический деятель находит подтверждение своих мыслей в книге, предназначенной для детей. Интертекстуальные включения, отсылающие к образу детства, содержатся и в следующем контексте, в котором события, происходящие на политической арене, уподобляются сюжету из детской сказки: *Путин с помощью сказки рассказал о ситуации на энергетическом рынке: «Мы видим, что происходит на мировом, в том числе на европейском, энергетическом рынке. Если они будут так безапелляционно, ни на чем не основываясь, действовать, это ни к чему хорошему не приведёт. У нас сказка известная есть: когда один из персонажей заставляет волка зимой хвостом ловить рыбу. А потом сидит рядышком и приговаривает: «Мёрзни-мёрзни, волчий хвост»* [21.10.2021, 20:36, Telegram-канал «Скабеева»]. Здесь использование детского фольклора выполняет эвфемистическую функцию и позволяет предсказать неблагоприятные последствия в образной форме. Само слово *сказка* может употребляться в значении 'неправда, выдумка' – примером может послужить высказывание Евгения Попова:

Страшная сказка на ночь. 132-ая страница про то, что нужно совсем немного ракет, чтобы нанести нам сокрушительный удар [28.02.2018, 20:33, Telegram-канал «propovtr»].

Таким образом, можно сделать вывод о политизации образа детства, обладающего набором характеристик, которые делают его эффективным средством стратегии манипуляции: способностью вызывать сильную эмоцию у адресата, простотой восприятия, продуктивностью в плане лексической объективации и метафорического переосмысления. Тот факт, что данная тема способствует реализации целого спектра различных ассоциаций и нравственных стереотипов, делает образ детства эффективным средством речевого воздействия и дает возможность в зависимости от целей говорящего приписывать отдельному лицу детские качества, вызывающие определенные эмоциональные реакции у аудитории: сочувствие или насмешку. В политическом дискурсе репрезентанты концептосферы «детство» используются при реализации стратегий на повышение и понижение, стратегии самопрезентации и дискредитации, тактик отвода критики, самооправдания, обвинения, иронизирования и т.д. Основными средствами вербализации рассматриваемой концептосферы становятся лексемы, фразеологические словосочетания, метафоры и ассоциации, использование социальных и культурных стереотипов и прецедентных феноменов.

Список литературы

1. Клещенко Л.Л. Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1. № 4. С. 312–319.
2. Аكوпова Т.С., Тихонова А.В., Агурова А.А. Особенности Telegram как канала политической коммуникации в эпоху цифровых технологий // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2020. С. 6–10.
3. Мокрая Е.А. Telegram-канал как платформа для политической коммуникации // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 62–66.
4. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. С. 114–144.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. 224 с.
6. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Образы детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 3. С. 417–433.
8. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
9. Смердова Т.Н. Бинарная оппозиция добро и зло в художественной концептосфере детства // Ино-

странные языки в контексте культуры: Межвузовский сборник статей по материалам конференций. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. С. 206–215.

10. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.06.2022).

**PECULIARITIES OF THE CONCEPTOSPHERE «CHILDHOOD»
VERBALIZATION IN POLITICAL DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF POLITICAL TELEGRAM CHANNELS)**

M.M. Binshtein, N.A. Samylicheva

The article is devoted to the analysis concept sphere «childhood» verbalization in political discourse. The material for the study was the media speech of Telegram channels. The work uses such research methods as discursive analysis, methods of interpretation and contextual analysis, a communicative-pragmatic approach is applied. The results showed that in modern communication there is a politicization of the childhood image, which has certain characteristics that regularly become an effective means of speech influence and manipulation.

Keywords: speech impact, speech strategies, concept sphere «childhood», Telegram channel, political discourse.

References

1. Kleshchenko L.L. Representation of the image of childhood in the liberal media of modern Russia // Complex studies of childhood. 2019. Vol. 1. № 4. P. 312–319.
2. Akopova T.S., Tikhonova A.V., Agurova A.A. Features of Telegram as a channel of political communication in the era of digital technologies // Opportunities and threats of the digital society: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, 2020. P. 6–10.
3. Mokraya E.A. Telegram-channel as a platform for political communication // Russian Political Science. 2018. № 4 (9). P. 62–66.
4. Lyakhovenko O.I. Telegram channels in the system of expert and political communication in modern Russia // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. P. 114–144.
5. Issers O.S. Speech impact: Textbook. M.: Flint; Science, 2009. 224 p.
6. Parshina O.N. Russian political speech: Theory and practice. M.: LKI Publishing House, 2007.
7. Ryabova T.B., Ryabov O.V. Images of childhood and children in symbolic politics // Political expertise. POLITEX. 2019. Vol. 15. № 3. P. 417–433.
8. Golub I.B. Stylistics of the Russian language. M.: Iris-press, 2010. 448 p.
9. Smerdova T.N. Binary opposition of good and evil in the artistic conceptosphere of childhood // Foreign languages in the context of culture: An interuniversity collection of articles based on conference materials. Perm: Perm State National Research University, 2012. P. 206–215.
10. The Big Explanatory Dictionary of the Russian language / Editor-in-chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (Date of access: 01.06.2022).